

Николай
БАННИКОВ

ВЕСЬ ТРЕПЕТ ЖИЗНИ...

К 100-летию со дня рождения Максимилиана ВОЛОШИНА

ИМЯ Максимилиана Александровича Волошина — поэта и художника, переводчика и критика, историка искусства и краеведа — окутано облаком легенд и преданий; о нем уже сложился — на целую книгу — цикл мемуаров, в которых Марина Цветаева, Илья Эренбург, Всеволод Рождественский и многие другие авторы рисуют колоритнейшую фигуру кокетельского отшельника, замечательного русского поэта. Толпы туристов и экскурсантов, тысячи курортников, попадая в Восточный Крым, идут к дому с высокими венецианскими окнами, вставшему на берегу Коктебельского залива, и ищут духовного знакомства с его былым обитателем, преодолевают крутую тропу поросшего голубовато-сизой полынью кургана Биюк-Янышар, чтобы отсюда, от могилы поэта, обозреть и широкий морской океан, и зубчатые грани карадагской гряды, и мягкие, словно оглаженные ладонью ваятеля, склоны холмов. Выставки волошинских акварелей, где бы они ни устраивались — в Египте, в Москве ли, — неизменно привлекают множество зрителей, а изданный альбом этих акварелей разошелся с такой быстротой, что его невозможно было увидеть.

Едва ли не все, кому приходилось читать стихи Максимилиана Волошина, явственно ощущают, что он открыл им этот прекрасный Крым, эту Киммерию, что он как бы отверз и обострил их зрение. Он — добрый дух этих мест, их вдумчивый исследователь, рачитель и певец, запечатлевший в своих стихах и акварелях всю громадную дугу поморья от Керчи до Судак и Алушты. Со страниц волошинских стихотворных книг на вас пахнет йодистым запахом водорослей, чабреца и полыни, вы коснетесь шершавых каменных столбов рухнувшего в древней геологической катастрофе вулкана, извилистых морщин и складок звонких и сухих фео-досийских берегов, котловин, оползней, гребней и впадин. Багряно-оранжевая луна встанет на дымном занавесе сумерек, спустившихся над заливом, и в шорохе волн вам почудится на миг скрип уключин корабля Одиссея. И сам он, певец Киммерии, не раз возникнет перед вами широким взглядом: мощная, широкоплечая шагающая фигура на холмистых, овеяемых дыханием моря тропах предгорий — с непокрытой пышноволосой, кудлатой головой, перебегающей узеньким ремешком, в простых сандалиях, в светлой художнической блузе и шароварах до колен, с пастушеским посохом в руке.

Максимилиан Волошин выступил в литературе на рубеже двадцатого века. Смолоду он был втянут в орбиту символизма, печатался в их журналах. Брюсов и Бальмонт были как бы старшими его литературными соратниками, а сверстниками — Белый, Блок, Вячеслав Иванов, Балтрушайтис. Но правозерным символизмом Волошин так и не стал, как позднее не стал и акмеистом, с которыми его многое сближало. Система его поэтических образов и приемов была чужда символу как главному средству соприкосновения с мирами, лежащими якобы по ту сторону земных чувств и ощущений. Он обладал своей поэтической мыслью скорей в одежде греческого мифа, не стараясь найти в нем мистических аллюзий и соответствий, а дав силу и волю живописной, зрительной стихии строки. Стихотворения Волошина

цвели и мерцали земными красками. «У вас глаз, — говорил в 1904 году Волошину Вячеслав Иванов, — непосредственно соединен с языком. Вы какой-то говорящий глаз». Умозрительная символика в стихах Волошина очень рано стала чахнуть; зазвучал тонкий и изощренный, отмеченный печатью волошинского живописного дара стих, генеалогия которого еще не до конца ясна и исследователям. Далеко не все в этом стихе следует относить и к влиянию французских парнасцев, хотя в одной из своих автобиографий Максимилиан Волошин и говорил: учился стиху у Готье и Эредиа. Самостоятельность и оригинальность поэзии Волошина, занявшего заметное место среди высоких мастеров, какими означено начало века в России, мы должны еще по-настоящему выявить.

Литературный путь Максимилиана Волошина — путь беспрерывных духовных исканий и странствий. Они сочетались, совпадали и со странствиями реальными. Его молодая подвижность удивительна. Тут и плавание — еще гимназистом — на турецкой рыбацкой фелуке в Константинополь, и блуждания по среднеазиатским пустыням, куда попал исключенный из Московского университета за участие в «студенческих беспорядках» Волошин, пристроившись к изыскателям трассы будущей железной дороги. Пустыни Средней Азии дали первый импульс Волошину-поэту. Они не тускнели в его сознании и позднее, когда Волошин был погружен в шум парижских площадей и бульваров; он сам писал, что свой взгляд на культурные ценности европейского мира он выработывал «с высоты Азийских плоскогорий». После караванных троп пришел черед учения в Берлинском университете, черед европейских впечатлений. Париж, Рим, Испания, Балеары, Сардиния, Корсика, Египет — все берега Средиземноморья — куда только он забирался начинающий русский поэт и рисовальщик, кочуя часто без гроша в кармане, совершая большие пешие переходы по глухим местам, нанимаясь на суда матросом. Любопытность его не знала границ. Он с упоением осматривает галереи музеев Лувра, Прадо, Ватикана, Уффици, читает в богатейших библиотеках, слушает выдающихся лекторов. «В эти годы я только впитывающая губка, я весь глаза, весь уши», — писал потом Волошин. Но, говоря так, он проявлял чрезвычайную скромность. Ведь именно в эти годы Волошин почти самостоятельно овладел искусством живописи и создал сюиту стихотворений, пленяющих нас и поныне. В них лучатся витражи готических со-

боров и «дымное золото испанских майолик», звенят, отбивая такт, вырезанные «из груди сухой оливы» кастаньеты. В них краски и линии, дымы и кровли, мансарды и каштаны французской столицы — с памятной строкой: «В дождь Париж расцветает, словно серая роза...». Однако все обаяние красот Запада не увело юного Волошина от русской земли, от родины. Она нет-нет и вторгается в его строфы. Чтобы позднее обрести в творчестве поэта центральное, основополагающее значение.

Сердцевина поэзии Максимилиана Волошина — его киммерийские стихи, этот гимн чудесной крымской земле, всему черноморскому, южному поясу нашего государства. В киммерийских стихотворениях и заключен патристический завет поэта. Это изысканное и точное, необычайно красочное и оригинальное слово зрелого поэта. Не отдаешь себе отчета, всматриваясь в нарисованные им картины, читаешь ли ты сонет или октаву, обычный катрен или терцину, — таково здесь поэтическое мастерство. Звездный простор для ищущей мысли распахивают строки о пронизанных «старинным золотом и желчью» закатах, о ласковой седине полыни, о пахучих кострах на гребнях увалов.

Дрем ветвей,
пропитанных смолою,
Листья, мох и травы
я сложу,
И огню, плененному землею,
Золотые крылья развяжу.
Вспыхнут травы
пламенем багровым,
Золотисто-темным и седым,
И потянет облаком лиловым
Горький, терпкий
и пахучий дым.

Потомок запорожских казаков, Волошин прекрасно чувствовал и улавливал южнорусский колорит в природе и в истории. В его «Грозе» так и перекликаются отзвуки Дикого Поля, образы «Слова о полку Игореве», беглой дрожью трепещут зарницы «над гнезным Сурожем и пенным Азовом». Лишь поэт-живописец может уподобить рассветные заревые горы и море нежной ветке расцветающей глицинии. Только искусственный в истории человек способен с такой яркостью исчислить и наречь остатки былых культур в крымской земле — кот римских блях и эллинских монет до пуговицы русского солдата». Сколько ни писали после Волошина стихов о Крыме и Коктебеле, вряд ли кто с такой проникновенностью воссоздал в слове эти края:



Над зыбкой рябью вод
встает из глубины
Пустынный край земли:
хребты скалистых гребней,
Обрывы черные,
потоки красных щебней —
Пределы скорбные
незнаемой страны...

Впервые попал в Коктебель шестнадцатилетним юношей, в 1893 году, Волошин не сразу осознал, что край этот станет, по его собственному выражению, «истинной родиной его духа». Не раз он в юности, возвращаясь из-за рубежа, живет на кокетельских берегах, где «горы, как рыжие львы, стали на страже пустынь». С весны 1916 года он поселяется здесь навсегда. Дом Волошина, выстроенный по его чертежам и замыслу, с башней для наблюдения звездного неба, — очаг и пристанище художников, ученых, писателей. Поэт все здесь продумал до последней мелочи. Сам выстрогал книжные полки и письменные столы, сам рассчитал, чтобы лунные лучи в период летнего равноденствия касались каменного лица царицы Таих, вывезенной им из Египта. На стенах — работы его друзей: Диего Риверы, Богаевского, Петрова-Водкина, Остроумовой-Лебедевой. В открытых шкафах — реликвии юншеских странствий: мерцают перламутром индийские раковины, подаренные Волошину капитаном того судна, на котором он плывал матросом; темнеет обломок древнего Одиссея, как хотел верить Волошин, корабля, принесенный прибоем. И книги. Множество книг. Вероятно, такими были библиотеки старинных просвещенных русских вельмож: тисненные кожаные корешки емких французских волюмов, тома по философии, мифологии, истории, естествознанию, нравам, оккультизму, художественные журналы и сборники стихов поэтов двадцатого века. Нет возможности назвать всех, кто бывал под кровом волошинского дома и пользовался гостеприимством поэта. Тут Марина Цветаева и Максим Горький, Андрей Белый и Алексей Толстой, Александр Грин и Осип Мандельштам. Волошин и его Коктебель породили целую струю в русской поэзии: столько посвящено стихов этому уголку Крыма. Волошинский дом еще со времен гражданской войны охранялся органами Советской власти и был завещан поэтом — перед его кончиной в августе 1932 года — Союзу писателей, а ныне в нем учрежден музей.

Поэт Волошин неотделим от Волошина-художника — недаром он надписывал на своих акварелях иногда удивительные строки и строфы. Но этот многогранный и чуткий человек был превосходным историком и критиком искусства, за-

мечательным переводчиком, работавшим над стихами и прозой, археологом и краеведом. Находясь в Париже, он немало содействовал тому, что в русские коллекции попали первоклассные образцы живописи французских импрессионистов и постимпрессионистов. А его статьи об искусстве и поныне доставляют читателю огромное удовольствие. Работы Волошина о Богаевском воспринимались как большая русская проза; Мартирос Сарьян считал, что лучший очерк о нем — Волошина; недоверчивый Василий Иванович Суриков лишь Волошину позволил записать фрагменты своей биографии, без которых сейчас не обойтись ни одному исследователю творчества великого художника. В журнальных статьях Волошина русские читатели находили живые характеристики таких мастеров, как Гоген, Сезанн, Ван-Гог. Еще в 1904 году он писал о танце Айседоры Дункан и — одним из первых в двадцатом веке — о живописной природе русской иконы. Здесь отмечены лишь краткие вехи искусствоведческой работы поэта, ставшей его в ряд лучших критиков своего времени. У него оригинальный, красочный и тонкий стиль, щедрые броски мыслей и наблюдений.

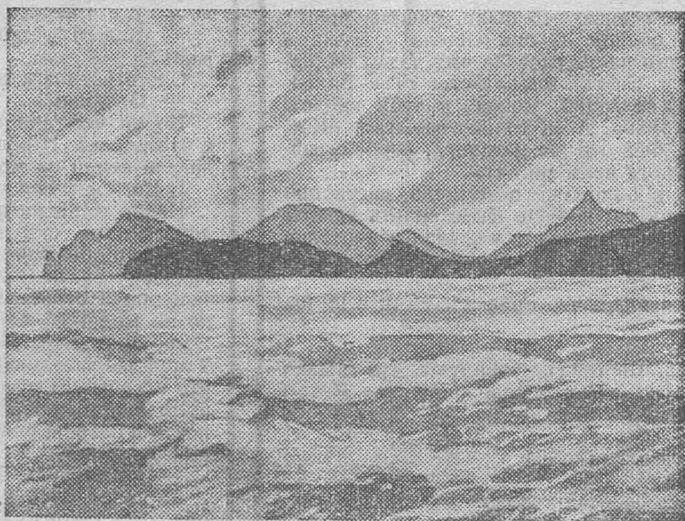
Не все знают о том, что Волошин открыл в Коктебеле следы древнего города Каллиеры, что, обследуя обрывы, окаймляющие кокетельскую долину, установил наличие восходящих воздушных потоков — и кокетельская школа планеристов вошла в историю советской авиации: тут занимались знаменитые наши авиаконструкторы Антонов, Ильюшин, Яковлев и будущий академик Королев. Геологи, натуралисты, историки были желанными гостями и собеседниками Волошина. Он создал замечательную маленькую монографию о Крыме, напечатанную в справочнике 1925 года «Крым»; в венке сонетов 1913 года «Lunaria», воспевая луну — «лампаду снов», владычицу зачатий», — с поразительной интуицией предугадал обнаженную, сухую природу ее поверхности. «Ты, как Земля, которой сорван скальп», — писал поэт, обращаясь к ночному светилу.

Созерцатель и странник по духовным перепутьям столетий, Максимилиан Волошин не был человеком апатичным. В нем таился общественный темперамент. Он остро воспринимал революционные события 1905 года. Увлеченный в годы первой мировой войны антропософией и даже участвуя в возведении «храма разума» антропософов в Швейцарии, Волошин тем не менее всей душой, всей своей кровью восставал в стихах против варварской бойни народов, учиненной империалистами. Далеко не последовательна была позиция поэта и в годы Октябрьской революции. Он пытался порой встать «над схваткой», примирить непримиримое, но всегда верил в светлое будущее народа. Вмешательство иностранных интервентов в русские дела вызывает в нем возмущение, резкий протест:

Кто там? Французы?
Не суйся, товарищ,
В русскую доверь!
Не прикасайся до наших
покарих —
Прикосновение — смерти!

В тяжелые месяцы разрухи и голода он писал:

Верю в правоту
верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной
России
Говорю: «Ты прав,
что так судил!»



М. ВОЛОШИН. «Заливы гулкие земли глухой и древней...»
Акварель 1928 г.